

DOI 10.26886/2520-7474.1(33)2019.7

UDC 811.16-112

**A PROTO-SLAVIC SOCIAL TERM *kъrdъ/*kъrtъ ‘CLAN, FAMILY’:
GENESIS AND AREAL****A. I. Iliadi, Doctor of Philological Sciences**Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University,
Ukraine, Kropyvnycki

The paper deals with the etymological interpretation of Slavonic dialectal lexical group, denoting clan, family, and some its derivatives. The author tries to determine the origin of terminological semantics of these lexemes and characterize their relations to other related non-Slavic forms. Preliminary results of the analysis of mentioned social terms are the reasons to substantiate their genesis within the etymological cluster with Indo-European *(s)ker- ‘cut’ and figure out the closest terminological and etymological concordance in the Celtic archaic vocabulary. The formation of a common terminological semantics of genetically identical Slavonic and Celtic words took place in the epoch of cultural contacts of these ethnoses on the territory of Czechia, Moravia and Pannonia. Ultimately the author makes the precise conclusion about reflexes of the mentioned etymon, which indicate the semantic shift towards ‘to cut’ > ‘to separate’ > ‘to grow, thrive’, ‘to take root’. Meanings ‘to be born’, ‘live’ in Slavonic words evolved from ‘to grow, thrive’ as a particular case of semantic history within system of derivatives from the stem *(s)ker-. Consequently social terms *kъrdъ/*kъrtъ ‘clan, family’ were derived from these verbs.

Key words: etymology, Proto-Slavonic, word formation, semantics, term.

доктор филологических наук, Илиади А. И. Праславянский общественный термин *kъrdъ/*kъrtъ ‘род, семья’: генезис и ареал /

Центральноукраинский государственный педагогический университет имени Владимира Винниченко, Украина, Кропивницкий.

В статье предлагается этимологическая интерпретация группы славянских диалектных названий рода, семьи и некоторых их производных, делается попытка определить истоки их терминологической семантики, установить ее связи в кругу родственных неславянских форм. Предварительные результаты анализа указанных терминов общественного строя дают основания сориентировать их генезис на славянское этимологическое гнездо с и.-е. основой **(s)ker-* 'резать' и выделить ближайшее терминологическое и этимологическое соответствие в кельтской архаичной лексике. Формирование общей терминологической семантики у генетически тождественных славянских и кельтских лексем имело место в эпоху культурных контактов этих этносов на территории Чехии, Моравии и Паннонии. В итоге автор делает чёткий вывод относительно рефлексов упомянутого этимона, которые указывают на семантический сдвиг в направлении 'резать' > 'отделять' > 'расти, разрастаться' > 'пускать корни'. Значения 'рождаться', 'жить' в славянских словах эволюционировали из 'расти, разрастаться' как частный случай семантической истории внутри системы производных от основы **(s)ker-*. Следовательно общественные термины **kъrdъ/*kъrtъ* 'род, семья' были образованы от этих глаголов.

Ключевые слова: этимология, праславянский, словообразование, семантика, термин.

I

1. Предварительные замечания. Древнейший слой социальной терминологии славянских языков достаточно хорошо изучен

палеославистикой, благодаря чему в реконструированной сумме относимых к нему праславянских лексем выделены следы реликтовой системы лексико-семантических отношений, возникших в праславянском или же унаследованных им из индоевропейского, о чем свидетельствуют прочно установленные индоевропейские связи этих слов. Но сколь бы полными ни были описания тематических групп праславянской лексики, всегда остается ряд единиц, который в силу разных объективных причин оказывается за пределами внимания исследователей, а потому не заполняет соответствующую лакуну в восстановленной для праязыка лексической парадигме. Рассмотрим ситуацию с несколькими терминами общественного строя, которые вопреки их явной семантической архаике и терминологическим связям с лексикой иных индоевропейских языков до сих пор почему-то не вписаны в ряд названий семьи, рода, фратрии, которые традиционно относятся к праславянским. Имеются в виду дериваты псл. **kъrd-/*kъrt-*, семантическая древность которых ускользнула от взгляда специалистов, хотя она со всей очевидностью подводит к реконструкции диалектного названия рода, семьи **kъrdъ/*kъrtъ* и его однокоренных синонимов. Забегая немного вперед, отметим, что социальная семантика рассмотренных далее примеров просто «затерялась» во множестве других значений, отмеченных у единиц гнезда с основами **kъrd-/*kъrt-*, **čerd-*. Причем, «во множестве» можно понимать и буквально, т. к. «доминантной» семемой у этого гнезда производных является именно 'множество' в отношении домашней и дикой живности (скота, птицы). Ср.: болг. *черда́* 'стадо (крупного рогатого скота)', блр. *чарада́* 'стадо', 'вереница', 'орава' < **čerda* [16 (4, с. 60–63)]; серб., хорв. *kŕd*, *kŕd* 'стадо', диал. *крд* 'сто голов скота' < **kъrdъ*; слвн. *krdél* 'стадо', чеш. диал. *krdel* 'толпа, куча' < **kъrdelъ*; словин. *karno* 'стая (птиц, животных); множество, масса', *харно* 'стадо

(особенно овец и коров) < *kъrdьno [16 (13, с. 213)] и пр., см. еще: [7, с. 172–174].

Интересно, что рефлексy этих архетипов неоднократно были объектом этимологического анализа, но их терминологическое значение, последовательно представленное у целого ряда дериватов, либо игнорировалось, либо восстанавливалось ad hoc без попыток выяснить его истоки, установить хронологию и соотнести с другими значениями у родственных форм. Это одна из двух основных причин, по которым целая лексическая микросистема не получила должного научного освещения. Другая причина связана с тем, что все слова с характерной терминологической семантикой рассматриваются порознь, и единственное, что их объединяет в работах наших предшественников, это наличие общей основы **kъrd-/kъrt-* ‘резать’. Так, напр., в интересной, хотя и во многом противоречивой, монографии Р. М. Козловой «Структура праславянского слова (Праславянское слово в генетическом гнезде)» эти лексемы разбросаны по всему тексту, потому отсутствуют условия для выяснения их диахронических связей, что потребовало бы совокупного анализа всех форм, для которых предполагается общее происхождение. В итоге её догадка о *kъrdь как ‘род’ (впрочем, специально не акцентированная) не получает здесь дальнейшего развития, оставаясь просто ничем не подтвержденным значением отдельно взятого архетипа. Все, что мы имеем, это значение ‘род’ в цепочке ‘стадо’, ‘круг’, ‘кружок’, ‘общество’ [7, с. 165], взаимовыводимость которых отнюдь не очевидна, если только не подходить к семантике как малозначимой категории, в отношении которой допустим произвол и умозрительные суждения.

2. Основания для реконструкции. Итак, среди единиц праславянского этимологического гнезда с базовыми **kъrd-/kъrt-*,

**čerd-* выделяется группа лексем, чья семантика ‘род’, ‘происхождение’, ‘место рождения’ четко контрастирует со значениями ‘множество’, ‘куча’, ‘стадо’, ‘стая’, ‘толпа’ (примеры см. выше). К ней относятся производные от основ, вариантных по звонкости/глухости дентального расширения корня.

1. **kъrd-*:

*kъrdъ ‘род’, косвенно восстанавливаемое по производному от него обозначению рода, происхождения и этнографическому названию членов рода (см. след.);

*kъrděne: укр. диал. подол. *кордяни* ‘члены одной семьи’ (только в нескольких текстах похоронных причитаний) [5, с. 37], т. е. члены *корда. В структурном отношении ср. рус. диал. перм., арх. *семьяне* ‘члены семьи’ [12 (37, с. 159)];

*kъrdьnina: болг. диал. *кръднина* ‘род’, ‘происхождение’. Авторы БЕР дают его как производное от незасвидетельствованного *кърд/*кръд ‘стадо’ (~ серб., хорв. *крѣд*, *крѣдо* ‘стадо’ и пр. < псл. **kъrd-* – ступень чередования к *čerda [2, с. 40–41]), не объясняя отличия в значении. Производное с суфф. *-in-* от adj. **kъrdьнь(jь)*;

*kъrdьнь, реконструкция которого логична не только с учетом упомянутых выше словин. *karno*, *харно*, но также в связи с топонимическим материалом. В частности, интересно предложенное Р. М. Козловой объяснение др.-рус. ойконима *Корьдно* – город вятичей в тексте «Поучения Владимира Мономаха» (ср. «**А** въ **В**ятичи **х**оди**х**омъ по двѣ зимѣ на **Х**одоту и на сына его, и ко **К**орьдну **х**оди**х**ъ 1-ю зиму» [10, с. 129]) как изначального *Корьдно*, этимологически связанного с болг. диал. *кръднина* ‘род, происхождение’ [7, с. 161]. Формально убедительная (оба слова сводятся к псл. **kъrdьнь(jь)*), эта версия все-таки оставляет без ответа вопрос об их смысловой связи, т. к. среди аргументов отсутствует необходимый в работе с

ономастической лексикой комментарий относительно мотивов номинации, способный прояснить характер соотношения топонима и апеллатива **kъrdьnъ(jь)*. Семантический контекст рассматриваемой лексической группы подсказывает, что в **Kордьно* можно видеть свернутую синтагму **kъrdьno mѣsto* = место рода/племени (вятичей);

*sq-kъrdičъ: укр. диал. черниг. *суко́рдич* 'сородич' (только в текстах похоронных причитаний) [5, с. 37] – буквальный словообразовательный аналог для рус. *со-род-ич*, тождественный также и в семантике корня.

2. **kъrt-*:

*kъrtъ/*kърто (?) – название рода, сохраненное в составе производной формы с формантом *-ило*, ср. болг. диал. *къртило* 'род, место рождения' и 'логово, пристанище' [2, с. 218], где второе значение – явный результат сближения с образованиями типа *къртога* 'яма, углубление в земле, где живет зверь' или *крътога* 'берлога, логово' (см. след.). К примерам развития семантики 'род' → 'место рождения' ср. рус. диал. перм. *род* 'место рождения, родина' [12 (35, с. 130)];

*kъrtogъ: серб., хорв. *кртог* 'род, племя, порода, происхождение', которое П. Скок считал образованным с суфф. *-ог-* от *крт* 'крот' [20 (2, с. 213)], а Р. М. Козлова относит к продолжениям псл. **kъrt-огъ*, **kъrt-ога* наряду с болг. *крътога* 'берлога, логово', диал. *картог* 'пристанище, логовище', *къртога* 'яма, углубление в земле, где живет зверь', толкуемым в БЕР на основе *кърт* 'крот' или *кърт* 'нечто выломанное, выкорчеванное' [2, с. 218, 219; 7, с. 142]. Однако семантика серб., хорв. *кртог* выразительно отличается от семантического комплекса остальных примеров и едва ли может быть сведена к нему без явных натяжек, поэтому *кртог* нуждается в отдельном рассмотрении.

Приведенные факты – основа для уверенного заключения о существовании в праславянском словаре еще нескольких терминов общественного строя, употребляемых по сей день в составе производных форм. Судя по географии их продолжений в древних и современных славянских языках (болгарский, сербско-хорватский, древнерусский, украинский), в праславянскую эпоху они также функционировали в весьма ограниченном ареале. Все они образуют лексические микросистемы с синонимичными терминами более широкого распространения (*род*, *семья*), ср.:

‘род’:	<i>*kъrdь/*kъrtь</i>	&	<i>*rodъ</i>
‘род’:	<i>*kъrtogъ</i>	&	<i>*rodъ</i>
‘род’:	<i>*kъrdьnina</i>	&	<i>*rodina</i>
‘относящийся			
к роду’:	<i>*kъrdьnъ</i>	&	<i>*rodьnъ</i>
‘сородич’:	<i>*sъkъrdičь</i>	&	<i>*(sъ)rodičь¹</i>
‘члены рода’:	<i>*kъrděne</i>	&	<i>*sěmьjane</i>

Вопрос о соотношении двух кластеров семем (1) ‘род’, ‘племя’, ‘порода’, ‘происхождение’ и (2) ‘стадо’, ‘множество’, ‘масса’ может быть положительно решен, если будут установлены нюансы словообразования в рассматриваемом этимологическом гнезде. Без этого любая попытка чисто семантически объяснить ‘род’, ‘племя’ как развитие ‘множество’, ‘масса’, ‘стадо’ (или же в обратном порядке) будет поверхностной хотя бы потому, что ‘стадо’, ‘масса’ не содержат указание на родство, актуализируя лишь понятие множества. Если всерьез рассматривать вероятность независимого развития ‘род’ и ‘стадо’ в праславянском имени, то встает проблема поиска производящего слова, семантика которого прояснила бы иерархию

указанных значений. Потому контрольно значимой деталью для этимологической характеристики **kъrdь/*kъrtь* является возможность установить их отглагольный характер: они образованы от **kъrditi/*kъrtiti* (?) 'родить', 'жить' (см. далее), вместе с которыми продолжают еще дославянские словообразовательные отношения **kъrdh- > *kъrdhos*. Не исключено, что **kъrd-* представляет собой пережиток формы и.-е. медия на **-dh-* (ср. лит. *verda, merdi, mērdeti* 'лежать при смерти', лтш. *merdēt* 'морить голодной смертью'²), образованной от глагольного корня в ступени редукции, вариантного к и.-е. **(s)ker-* 'резать', чьи рефлексы показывают семантический сдвиг в направлении 'отделять(ся)' → 'расти', 'разрастаться', ср. лит. *kerėti* 'разрастаться', 'пускать корни', *kėrti* 'отставать', 'отделяться' (приведены по: [14, с. 231]). Отсюда частные значения 'жить' и 'родить(ся)' в славянском. В итоге мы имеем старую пару (вариант **kъrtiti*, видимо, вторичен) **kъrdh- > *kъrdhos*, коррелирующую с **ker-dh-*, **k'er-dh-* ~ **(s)ker-* '(об)резать', которые традиционно приводятся для объяснения псл. **čerda* 'череда', 'стадо' и родственной германской, балтийской, арийской и греческой лексики [19 (1, с. 579); 14, с. 319–323; 9, с. 226]³.

Если приведенные ниже глаголы действительно имеют общий с **kъrdь/*kъrtь* этимон, это значит, что славянский в отличие от остальных языков мог сохранить производящую базу. Этот существенный факт истории гнезда дериватов с этимонами **kъrd-/*kъrt-* до сих пор, кажется, не учитывался, а скорее всего его просто не заметили. Во-первых, потому, что формальная связь в паре «глагол → имя» рано была разорвана из-за потери производящего глагола в болгарском и сербско-хорватском. Во-вторых, из-за искажений в структуре глагола, который в восточнославянском сохранился только в рамках различных арг (условных языков), где слова часто деформируются с целью сделать их непонятными для тех, кто не

принадлежит к социальной прослойке, внутри которой арготизм используется как средство идентификации «свой/чужой». Для придания глаголам необычного вида в арготизме используются псевдосuffixы -ем-, -им-, -ом-⁴, отсутствующие как в литературном языке, так и в диалектах, что затрудняет объяснение морфологии слов и в итоге либо пускает исследователя по ложному пути (см. ниже), либо вообще делает невозможным привлечение их как объектов этимологического исследования.

Обратимся к материалу. Восстановление псл. **kъrditi/*kъrtiti* (?) ‘родить’, ‘жить’ представляется допустимым с учетом таких вероятных их продолжений, как:

блр. диал. *курдзёміць* ‘родить’, укр. диал. *окырдемився* ‘родился’, которые ранее неудачно толковались как десубстантивы от псл. **kъrd-ьта, *kъrd-ьта*, генетически ориентированных на и.-е. **(s)ker-* ‘резать’, ‘крутить’ [7, с. 169], для чего нет семантических оснований;

укр. диал. *кирдимити* ‘жить’, *кирдимня* ‘жизнь’, которые были сориентированы на деривационно не вполне ясный прототип **kъrdymъ* (~ и.-е. **(s)ker-* ‘резать’, ‘крутить’), а до этого едва ли с большим успехом объяснялись в связи с гр. καρδιά ‘сердце’ (см.: [7, с. 170]: с критикой второй версии);

укр. *кирдимити* ‘жить’, *кирдимньи* ‘жизнь’, *кирдимний* ‘кровный (каждый без разницы)’, *курдыміль* ‘дядя’ (в исследовании О. Т. Горбача этот ряд слов приводится в разделе об арготизмах неизвестного происхождения) [3, с. 513].

Как видим, если убрать позднее «словообразовательное» наращение (фактически – вставной слог), глаголы приобретают свой обычный вид: блр. **курдзіць*, укр. **кирдити* со знач. ‘жить’ и ‘родить(ся)’ < **кърдити*. Кстати, два деривата сохраняют значения ‘родственник’, ‘сородич’ и ‘родовой’, которые однозначно семантически

связывают эти глаголы с перечисленной выше лексикой *род*, *родственник*, *сородич*. Речь идет о *курды́милъ* ‘дядя’ < *курдилъ и *курды́мний* ‘кровный (каждый без разницы)’ = ‘родовой, касающийся всех лиц одной крови’ < *курдний, ср. выше *къrdьнъ, *къrdьнина (> болг. диал. *кръднина* ‘род’, ‘происхождение’). Касательно звуковой стороны генетического отождествления этой группы слов с приведенной выше ср. развитие псл. *ъ как *у*, *ы*, *и* в восточнославянских словах со структурой тѣрт: **къrbatъ(jь)* > рус. диал. *курба́тый* ‘малорослый и толстый’, **къrnatъ(jь)* > укр. диал. *курна́ты* ‘курносый’ [16 (13, с. 206–207, 230)]. Т. е. доказательство родства группы социальных терминов и восточнославянских глаголов подводит к восстановлению реликтовой словообразовательной пары и вписывает ранее неясные блр. *курдзёміць*, укр. *курдимити* (и соотносительные с ними формы) в рамки определенного этимологического гнезда.

3. Вопрос о реконструкции терминологической семантики. В итоге квалификация псл. *къrdь/*къrtъ как дериватов от глаголов *къrditil/*къrtiti (?) ‘родить’, ‘жить’ показывает независимое развитие двух комплексов семем у производного имени: 1) ‘родить’ → ‘род’, ‘племя’ → ‘порода’, ‘происхождение’, ‘место рождения’ и ‘сородичи’, ‘члены одной семьи’; 2) ‘все живущее, сущее’ = ‘масса’, ‘множество’ → ‘стадо’, ‘стая’. Близкую аналогию подобной дихотомии показывают рефлексy и.-е. **bheu-* ‘расти’, ‘быть’, ср. пшт. *bodá* ‘скот (вьючный)’ [11 (2, с. 135)], а также собирательное пол. *bydło* ‘крупный рогатый скот’ в противоположность лит. *būklà* ‘родина, местожительство’ и гр. φύτλη ‘род, порода’ [16 (3, с. 147)]. Древность обоих семантических наборов подтверждается родственными формами других индоевропейских языков, где отмечены, с одной стороны, др.-англ. *heord*, англ. *herd* ‘стадо’, гот. *hairda* ‘то же’, др.-инд. *śárdha-h* ‘сила, мощь’, ‘отряд’ и пр.

[9, с. 226], а с другой – вал. *cordd*, -au ‘племя’, ‘клан’, ‘семья’, ‘община’, ‘сообщество’, а также ‘собрание’, ‘группа’, ‘вереница, череда’ и производное *corddlan* ‘деревенская община’, ‘деревня’, а также ‘место погребения’, ‘кладбище’, ‘овчарня’, ‘загон для овец’ [18, с. 868, 869].

Кельтский материал особенно важен для реконструкции значения ‘род’, ‘клан’ у псл. *kъrdъ/*kъrtъ. Во-первых, он также не имеет следов развития ‘стадо’ → ‘род’ (семемы ‘овчарня’, ‘загон для овец’ у производного *corddlan*, скорее, указывают на принадлежность этих хозяйственных построек *общине*, роду, а вовсе не на связь с незафиксированным *‘стадо’). Во-вторых, его семантика отражает очень архаичный тип общественного устройства⁵, близкий к социальной организации славян в догосударственный и раннегосударственный периоды их истории. Т.е. по существу славянский термин имеет буквальный структурно-этимологический и семантический эквивалент в виде валлийского социального термина, и этот факт вряд ли имеет случайный характер. Велика вероятность, что общее терминологическое значение – общее явление культурной жизни славян и кельтов, возникшее в эпоху их контактов на территории Чехии, Моравии и Паннонии (см. об этом: [15, с. 45–47]). И возраст, и ареал славяно-кельтского взаимодействия отсылают нас ко времени и территории проживания славян в Среднем Подунавье = Паннонской равнине – регионе, который, согласно наиболее обоснованной из существующих сегодня теорий, был славянской прародиной. Семантическая инновация захватила только часть праславянских диалектов, попавших в зону контактов: судя по известному материалу, она не вышла за пределы словаря славян, потомки которых пришли в Поднепровье и освоили Балканы. Предки западных славян остались в стороне, не разделив с остальными указанную специализацию значения, поэтому распределение наличных сегодня данных по

языкам подводит к выводу о восточнославянско-болгарско-сербско-хорватской изоглоссе на уровне семантики. Словообразовательные характеристики перечисленных выше лексем показывают два их состояния: *архаичное* – для восточнославянского ареала, где сохранились производящий глагол и производное имя (однако связь между ними была утрачена), *инновационное* – для болгарского и сербско-хорватского с потерей здесь глагольного элемента деривационной пары.

II

В заключение скажем несколько слов об одном примере генетической омонимии в группе славянских терминов родства с основами *krd-* : *kard-*. По нашему мнению, терпит неудачу смелая попытка Р. М. Козловой связать с псл. *kъrdъ ‘род’ формы типа серб., хорв. диал. *kŕdāš* ‘пастух’, *kārdaš* ‘брат; приятель’, болг. устар. *kārдаш* и *кардаш* ‘то же’, др.-пол. *kardasz*, *kierdasz*, *kordasz* ‘кровный брат; побратим’, ‘единоплеменник’, рус. диал. *кардаш* ‘брат’ [7, с. 164], имеющие сходство со славянской лексикой с фонетической структурой типа *ъrt* и до сих пор толкуемые на основе таких тюркских форм, как тур. *қардаш*, диал. *gardaş*, гаг., кар.к., кар.т. *кардаш*, тат. *қарташ* и др. со значением ‘брат’, ‘братец’, ‘друг, приятель’ и т. п. (приведены по: [17, с. 322–323]; тут же см. литературу о заимствовании тюрк. слова в балканские языки и польский). Законы славянского исторического словообразования не препятствуют производству гипотетического *kъrdašъ ‘брат’, ‘единоплеменник’ от *kъrdъ ‘род’, т. к. хорошо известны синонимичные дериваты с суфф. *-aš-*, ср. рус. диал. *браташ* ‘двоюродный брат’, *родаш* ‘родня, родственник’ [12 (3, с. 154; 35, с. 131)] < *брат*, *род*. Зато этому противится историческая фонетика славянских языков: упомянутые слова показывают единство

реализации псл. *ъ как а в группе тѣrt, странное для разноязычных рефлексов одного прототипа. Псл. ъ в этой группфонеме имеет широкий спектр рефлексов по различным славянским диалектам, равный практически всему вокалическому ряду, и особенно хорошо эта его особенность вокализации проявляется в южнославянской диалектной среде⁶. Это давно установлено историей славянских языков, более того, это соответствует предположению самой Р. М. Козловой о *множественности* фонетической реализации ъ в словах подобной структуры в рамках каждого из славянских языков, потому подозрительным должно казаться последовательно *одинаковое, безальтернативное* изменение «формулы» тѣrt как tart в сербско-хорватском, болгарском и русском языках. Подобная странность побуждает не отказываться от прежней, вполне убедительной тюркской этимологии *кардаш*, отвергаемой Р. М. Козловой в её упомянутой работе (ср. тут «наоборот, заимств. из слав.»), и не принимать славянскую этимологию, пока не установлены причины одинакового развития псл. тѣrt > tart⁷ в языках трех групп при отсутствии иных результатов с широким спектром вокализации редуцированного или же его утратой, как, напр., в случае с псл. *кърнъ(ь), рефлекс которого показывают пестроту корневого гласного из псл. ъ, и его потерю: болг. диал. *кърн*, *крън*, *крн*, серб., хорв. диал. *křn*, пол. *kierny*, словин. *kãrn*, рус. диал. *кóрный*, *курно́й*, *кырно́* и пр. [16 (13, с. 236)].

Правда, общая картина тѣrt > tart размывается данными польской диалектной лексики, где, помимо *kardasz*, отмечены еще *kierdasz*, *kordasz*. Рефлекс tart обычен для польского языка, как обычны и другие результаты развития тѣrt, и все вместе они могли бы свидетельствовать в пользу исконности названия пастуха в польском и противопоставлять его прочим упомянутым формам. Однако корневой

вокализм вариантов *kierdasz*, *kordasz* не может быть аргументом в пользу их славянского происхождения, будучи результатом сближения заимствованного *kardasz* с формально близкой исконной лексикой, такой как пол. диал. *kierdel* 'стадо' [16 (13, с. 213)] и под., в пастушьем языке. Это пример пересечения системы терминов родства и пастушеской лексики (ср. еще карп. бойк. *брато́йко* 'младший среди пастухов' и 'братец'), подобный которому, видимо, представлен и в сербско-хорватской диалектной среде, где тюркское заимствование *kàrdaš* было интерпретировано как производное от *křdo* 'стадо' (приведено по: [7, с. 164]), результатом чего стала его фонетическая трактовка в виде *křdāš*. Напротив, сохранность в рус. *кардаш* 'брат' исконного *a* объясняется отсутствием в русском словаре пастушеского термина *корд, *корда 'стадо', отождествление с которым привело бы к возникновению формы *кордаш и, не исключено, к появлению семантики 'пастух', как в сербско-хорватском.

Примечания

1. Видимо, это поздняя форма. Более же древняя содержит «сильную» разновидность приставки, т. е. **sq-*, которая выступает в архаичных десубстантивах и девербативах (в составе последних она часто изменяется в «слабую» **sz-* под влиянием производящего глагола, где всегда находим только **sz-*; то же случается и в отыменных образованиях). Ср. указание на потенциальность *sq-rodъ в виде производного др.-рус. *сѣродьныи* 'сродный' наряду со *сѣродьныи* 'родственный', 'сродный, близкий' [13, с. 627, 815].

2. Специально см.: [6, с. 99, 174].

3. Для и.-е. *(*s*)*ker-* 'резать' обычно подразумевается функция обозначения акта основного и начального деления, расчленения в практике ритуала, откуда в этом лексическом гнезде «классификационные» значения 'разряд', 'род', 'вид', 'класс'.

В. Н. Топоров даже специально оговаривает, что **ker-dh-*, **k'er-dh-* указывало на множество, составные элементы которого упорядочены [14, с. 320].

4. Ср. примеры: укр. *дергóмити* 'молоть' (~ *дергун* 'мельница'), *зитóмыты* 'жить', *скакóмити* 'скакать' [3, с. 299, 300], а также рус. глагольный суффикс *-óма-* в примерах *лягóмать* 'лечь', *нюхóмать* 'нюхать', *гулёмать* 'гулять'. Этот «суффикс» хорошо известен и в белорусских условных языках [1, с. 37].

5. Ср. вывод Ф. Энгельса о представлениях родовой эпохи, которыми жило население Ирландии еще в конце XIX в. [4, с. 20–21]. Некоторые пережитки патриархально-родовой организации задержались вплоть до начала XX в. и у славян, что и обусловило сохранность соответствующей терминологии.

6. Ср., напр., продолжения псл. **kъrma* (болг. *кърма́* 'корм (для скота)', диал. *ка̀рмъ́* 'приплод свиньи', макед. диал. *kěrma* 'пища, корм', серб., хорв. диал. *kè:rma* 'корм для скота'), **kъrmina* (серб., хорв. *karmine* 'поминки', словн. *kármína* 'т. с.', диал. *kormína* 'корм, кормление, обеды на свадьбе') и др. [16 (13, с. 222, 224)].

7. Единообразная рефлексация как *tart* в южнославянском возможна только для псл. комплекса *ъrtъ*, но только для отдельных групп говоров, ср. макед. *сърце*, *пърсти* (реканский говор), *търн* (охридско-преспанские говоры), *върх*, *пърсти* (воденско-кукушские и серско-гоцеделчевские (неврокопские) говоры), *ц'ърно*, *п'ърсти* (в говорах узкой Костурской области и в Корешчата), *пърсти*, *сърце*, *зърно* (скопско-черногорско-вратничский говор), *сърп* (дебарский говор) [8, с. 135, 136, 143, 145, 146].

Литература:

1. Бондалетов, В. Д. (1980). *Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство*. Рязань: Пензенская правда.
2. *Български етимологичен речник, 2012* (ред. В. Ив. Георгиев). София: Проф. Марин Дринов, Т. III.
3. Горбач, О. (2006). *Арго в Україні*. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.
4. Десницкая, А. В. (1970). *Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка*. Ленинград: Наука.
5. Иванко, С. П. (1982) *Обрядова лексика в українському фольклорі. Тезиси докладов областной конференции молодых ученых (15 мая 1982 г., г. Кировоград : КГПИ им. А. С. Пушкина)*, 35–38.
6. Иванов, Вяч. Вс. (1981). *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки*. Москва: Наука.
7. Козлова, Р. М. (1997). *Структура праславянского слова (Праславянское слово в генетическом гнезде)*. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины.
8. Конески, Б. (2001). *Историска фонологија на македонскиот јазик (= A historical phonology of the Macedonian language)*. Скопје: МАНУ.
9. Левицкий, В. В. (2000). *Этимологический словарь германских языков*. Черновцы: Рута.
10. *Летопись Нестора (1903). Со включением «Поучения Владимира Мономаха» (Текст летописи по Лаврентьевскому списку, с примечаниями. – Поучение Владимира Мономаха. – Три объяснительные статьи. – Словарь)*. С.-Петербург: Типогр. Глазунова.
11. Расторгуева, В. С. (2000–2015). *Этимологический словарь иранских языков*. Москва: Восточная литература, Т. 1–5.
12. *Словарь русских народных говоров, 1965–2016* (под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова). Ленинград: Наука, Вып. 1–49.

13. Срезневский, И. И. (1912). *Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. С.-Петербург: Типогр. Императорской академии наук.
14. Топоров, В. Н. (1980). *Прусский язык. Словарь*. I–K. Москва: Наука.
15. Трубачев, О. Н. (2003). *Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования*. Москва: Наука.
16. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд, 1974–2018* (под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева). Москва: Наука, Вып. 1–41.
17. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~ «Г») и «Қ» (~ «К»)*. Выпуск первый, 1997. Москва: Языки русской культуры.
18. Evans, D. S. (1893). *Dictionary of the Welsh language [C–Cyw]*. London: Simpkin, Marshall & CO.; Bernard Quaritch.
19. Pokorny, J. (1959–1969). *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke Verlag, Bd I–II.
20. Skok, P. (1971–1974). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: JAZU, Knj. I–III.

References:

1. Bondaletov, V. D. (1980). *Uslovnye yazyki russkikh remeslennikov i tovgovtsev. Slovoizvodstvo* [Argot of russian craftsmen and merchants. Word formation]. R'azan': Penzenskaya pravda [in Russian].
2. *Вългарски етимологичен речник, 2012* (ред. В. Ив. Георгиев) [Bulgarian Etymological Dictionary]. Sofia: Prof. Marin Drinov, T. III [in Bulgarian].
3. Gorbach, O. (2006). *Argo v Ukrayini* [Argot in Ukraine]. L'viv: In-t ukrayinoznavstva im. I. Kryp'jakevicha NAN Ukrayiny [in Ukrainian].
4. Desnitskaya, A. V. (1970). *Naddialektye formy ustnoy rechi i ikh rol' v istorii yazyka* [Super dialect forms of speech and their role in history of language]. Leningrad: Nauka [in Russian].

5. Ivanko, S. P. (1982). Obr'adova lexika v ukrayins'komu fol'klori [Ritual lexics in Ukrainian folklore]. *Tezisy dokladov oblastnoy konferentsii molodykh uchenykh (15 maya 1982 g., g. Kirovograd: KGPI im. A. S. Pushkina)* [Abstracts of reports of a regional conference of young researchers], 35–38 [in Ukrainian].
6. Ivanov, Viach. Vs. (1981). *Slavianskiy, baltiyskiy i rannebalkanskiy glagol. Indoevropeiskie istoki* [Slavic, Baltic and Early Balkanic verb: Indo-European sources]. Moskva: Nauka [in Russian].
7. Kozlova, R. M. (1997). *Structura praslavyanskogo slova. Praslavyanskoe slovo v geneticheskom gnezde* [Structure of Proto-Slavonic word (Proto-Slavonic word in genetic cluster)]. Gorn'ki: BelGUT [in Russian].
8. Koneski, B. (2001). *Istoriska fonologiya na makedonskiot yazyk* [A historical phonology of the Macedonian language]. Skopje: MANU [in Macedonian].
9. Levitskiy, V. V. (2000). *Ètimologicheskiy slovar' germanskikh yazykov* [An Etymological Dictionary of Germanic Languages]. Chernovtsy: Ruta, T. 1 [in Russian].
10. Letopis' Nestora (1903). *So vkl'ucheniem «Poucheniya Vladimira Monomakha» (Text letopisi po Lavrentievskomu spisku, s primechaniyami. – Pouchenie Vladimira Monomakha. – Tri objasnitel'nye statii. – Slovar')*. S.-Peterburg: Tipogr. Glazunova [in Old Russian].
11. Rastorgueva, V. S. (2000–2015). *Ètimologicheskiy slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. M.: Vostochnaya literatura, T. I–V [in Russian].
12. *Slovar' russkikh narodnykh govorov, 1965–2016 (pod red. F. P. Filina i F. P. Sorokoletova)* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad: Nauka, Vyp. 1–49 [in Russian].

13. Sreznevskiy, I. I. (1912). *Materialy dl'a Slovar'a drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamiatnikam* [Materials for the Dictionary of Old Russian language]. S.-Peterburg: Tipogr. Imperatorskoy akademii nauk [in Russian].
14. Toporov, V. N. (1980). *Prusskiy yazyk. Slovar'*. I–K [Prussian language. Dictionary]. Moskva: Nauka [in Russian].
15. Trubachev, O. N. (2003). *Ètnogenez i kul'tura drevneishikh slavian: Lingvisticheskie issledovania* [Ethnogenesis and culture of the oldest Slavonian. Linguistic research]. Moskva: Nauka [in Russian].
16. *Ètimologicheskiy slovar' slav'anskikh yazykov: Praslavianskiy leksicheskiy fond, 1974–2018* (pod red. O. N. Trubacheva i A. F. Zhuravleva) [An Etymological Dictionary of the Slavonic Languages: Proto-Slavonic lexical stratum]. Moskva: Nauka, Vyp. 1–41 [in Russian].
17. *Ètimologicheskiy slovar' t'urkskikh yazykov. Obshchet'urkskie i mezht'urkskie osnovy na bukvy «K» (~ «G») i «K̇» (~ «K̇»)*. Vypusk pervyi, 1997 [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury [in Russian].
18. Evans, D. S. (1893). *Dictionary of the Welsh language [C–Cyw]*. London : Simpkin, Marshall & CO.; Bernard Quaritch [in English].
19. Pokorny, J. (1959–1969). *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke Verlag, Bd I–II [in German].
20. Skok, P. (1971–1974). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of Croatian or Serbian language]. Zagreb : JAZU, Knj. I–III [in Serbo-Croatian].